

Елена
Арсеньева

Грешные
музы

ИСТОРИЧЕСКИЕ
НОВЕЛЛЫ
ЛЮБВИ

Елена Арсеньева
Черные глаза (Василий
Суриков – Елизавета Шаре)
Серия «Грешные музы»

*Текст книги предоставлен издательством "Эксмо"
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161291*

Аннотация

Время жестоко к женщинам - блекнут юные нежные лица, сгибаются под тяжестью лет прекрасные тела. И только на картинах, созданных художниками, они останутся навсегда молодыми и красивыми, по-прежнему вызывая восторг и восхищение. Какой должна быть женщина, чтобы "зажечь" художника, вдохновить на создание бессмертных произведений? Яркой, настойчивой, соблазнительной? Или тихой, бесплотной, точно сотканной из тумана? Никто не знает ответа на этот вопрос, ведь тайна рождения любви не раскрыта до сих пор... Об отношениях Пабло Пикассо и его возлюбленной Ольги Хохловой, Сальвадора Дали и Елены Дьяконовой, Амедео Модильяни и Анны Ахматовой читайте в исторических новеллах Елены Арсеньевой...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Елена Арсеньева
Черные глаза
Василий Суриков –
Елизавета Шаре

О чем ты думаешь? О чем ты *так* думаешь?!

Она молчала, только глядела в пространство странно остановившимися глазами.

– Лизонька! Очнись! Скажи что-нибудь! Где ты?

Молчание.

Ему стало страшно.

Вскочил из-за мольберта и вдруг крикнул, словно по наитию:

– Маша! Мария!

Черные глаза медленно обратились на него:

– Что велишь, батюшка?..

И тут же глаза оживились, подернулись слезой смущения:

– Васенька, милый! Прости! Ты звал? Я не слышала. Так задумалась, словно вовсе и не здесь была.

Он поглядел исподлобья, ревниво:

– Понял, понял, что не здесь. А где? Что ты видела там, где была? Скажи, Лизонька!

– Холодно было, – пробормотала она не сразу. – Окна за-

тянуты рыбьими пузырями, а какое с него тепло? Ветер так и сквозил. Либо в темноте сиди, либо мерзни. На ночь окна завешивали оленьими шкурами. Шкуры плохо выделаны были, коробились, от них смрадный дух по избе стоял. Такие же шкуры и на полу набросаны были. А пол земляной, промороженный. От него стынь по всему телу. До самого сердца холод пронимал. Но я сидела и сидела на том полу, нарочно сидела, чтобы поскорей замерзнуть до могильной стужи...

Суриков схватил Елизавету в объятия, рывком поднял с пола:

– Не сиди тут! Не говори так! Не ты, а она, она там сидела! Не Лизонька, а Маша! Заморил я тебя совсем! Заморозил! Ух, какие руки холодные! – Он торопливо осыпал поцелуями дрожащие бледные пальцы. – Хочешь, самовар поставлю? Тебе согреться надо.

– Ох, нет! – Жена провела дрожащей рукой по лбу. – Не до чаю. Пора ужин собирать.

Она поцеловала Сурикова холодными дрожащими губами и, сбросив на стул черный бархатный салопчик, пошла на кухню.

Суриков мрачно поглядел на потертый бархат. Ткань совсем тонкая. Нет, этот салопчик надобно убрать в сундук. Завтра он накинет на плечи Елизавете черный тулуп. Хватит ей мерзнуть! Мария... да, у Марии Меншиковой, бывшей государевой невесты, нареченной вздорного мальчишки-императора Петра II, дочери всесильного временщика, сослан-

ного в промороженный Березов, может, и были основания кончину торопить, а Лизонька ему живая нужна. На пол надо шкуру положить медвежью. Как ни скудно было содержание, выделяемое семье Меншиковых, а все ж должны были сыскаться у Алексашки деньги, чтобы заплатить туземцам за такую шкуру. Сибирь – не город, там мягкая рухлядь¹ дешева. А может, вогулы, жители тамошние коренные, сами подарили ему такую шкуру. Дома, в Красноярске, где родился и жил раньше Василий Суриков, туземцы были щедры к ссыльным, наверное, и в Березове они таковыми же были. Кроме того, Суриков читал, якобы Алексашка дружил с Боровским, комендантом Березова, а человек этот был добросердечен к несчастным опальным...

Жаль, что у него нету медвежьей шкуры на пол бросить, Лизоньку на нее посадить. И дома, в Красноярске, не было. Полы у них там были застелены домоткаными половичками: мать питала к шкурам на полу великое отвращение, потому что из них порою лезла шерсть, а она ни малой соринки на выскобленных до белизны полах не переносила. Казачка, суровая казачка она была, не то что отец – человек мягкий, любивший музыку и художества. Он служил в земском суде, любил читать. Другие родственники тоже не чужды были искусствам – конечно, родственники со стороны отца. Они сочувственно слушали Василия, когда тот начинал мечтать вслух: а вот как подрастет он, да как поедет в самую

Москву или в самый Петербург, поступит в Академию художеств и станет великим, великим художником! Великую будущность пророчил ему и учитель рисования Николай Васильевич Гребнев. И только матушка угрюмо слушала всю эту «пустельгу» (так она называла мечтанья сына), равнодушно смотрела на его рисунки. «Ну уж как Бог рассудит!» – роняла сквозь сухие губы, привыкшие к молитвам. Грех такое о матери родной думать, однако Василию порою приходило на ум: а не радовалась ли матушка, когда ему пришлось распрощаться с мечтами и пойти служить писцом? Умер отец, нужно было зарабатывать на жизнь. Что скажешь, так «Бог рассудил»!

Ох, как он горевал, как мучился и печалился, как молился! Вся кровь бунтовала – ведь кровь в них, Суриковых, была буйная, отважная: предки его некогда пришли в Сибирь с Ермаком, другие откололись от ватаг Ерофея Хабарова... И все равно в жизнь бы не выбрался он из Красноярска, если бы не помог рыбопромышленник Павел Иванович Кузнецов, который гордился своим меценатством. Матушка сперва поджимала губы: как это так, Суриков, ее сын, будет подачками жить?! А потом вдруг раз – и смирилась, и махнула рукой: охота, мол, тебе загубить себя в искусительной, дьяволобесной столичной жизни – ну, знать, так Бог рассудил! Это тебе от Него испытание такое!

Василий в два счета собрался и – ринулся из Красноярска, радостно готовый подвергнуться какому угодно испытанию.

Теперь приходилось рассчитывать только на себя. Ох, как было тяжело, как страшно, когда с первого раза в Академию не поступил. Инспектор, немец Шренцер, небрежно просмотрел папку с рисунками Сурикова и скучным голосом произнес: «Да вам за такие рисунки даже ходить мимо Академии запретить надо!»

Пришлось заниматься в школе Общества поощрения художеств. За три летних месяца освоил курс, рассчитанный на три года, и в августе 1869-го успешно сдал вступительные экзамены в Академию. Пять лет обучения сопровождались непрерывными успехами, наградами и денежными премиями; на четвертом году его стипендия составляла 350 рублей в год.

Все наладилось в его жизни, все сделалось как надо. И даже лучше, чем мечталось!

Думая так, Суриков протирал кисти, соскребал остатки подсохшей краски с палитры, а сам все прислушивался к звукам, долетавшим из дальней комнаты.

Кухарка готовит ужин, Лиза накрывает на стол. Смеются Оля и Леночка. Великолепный, прелестный хорал его жизни!

Да, хорал...

Он безумно любил органную музыку, но послушать ее можно было только в католической церкви Святой Екатерины на Невском проспекте. На счастье, Суриков жил неподалеку. Если не работалось, шел к мессе, садился в уголок на

темной, потертой деревянной скамье и слушал хоралы и фуги Баха, закрыв глаза. Иноземные слова службы сплетались с музыкой в дивный узор, чудилось, слушая их, улетаешь в волшебный мир...

Однажды этот сон наяву был нарушен резким стуком. Что-то упало на пол рядом. Суриков нехотя открыл глаза и увидел у своих ног черный молитвенник, такой старенький, что кожа переплета кое-где протерлась до белизны. Поднял его.

– Простите, сударь! – послышался рядом испуганный голос.

Василий повернулся. Чуть поодаль сидела тоненькая девушка, смотрела испуганными черными глазами.

Ох, какие это были глаза!

Ему вообще нравились темноглазые женщины. У матери-то глаза были серые, слишком светлые, мрачные и холодные, как лед на Енисее. У туземок-самоедок – карие, веселые, глупые. А эти глаза... Надо же: черные, вроде бы непроглядные, а какой живой свет от них исходит, какое солнечное сияние!

Девушка смущенно улыбнулась, протягивая руку за молитвенником:

– Благодарствуйте, что подобрали...

Но Василий вдруг спрятал руки за спину:

– Скажите, как вас зовут, тогда отдам!

Сказал и испугался: а вдруг обидится, убежит?

Но черные глаза сияли прежней приветливостью, только стали большими-пребольшими от изумления:

– Лиличка... Ой, нет: Елизавета Августовна Шаре. – И пожала плечами, словно оправдываясь за непривычное для русского уха отчество и фамилию: – Мой отец француз.

Видимо, девушку тоже влекла сюда, под своды храма, волшебная органная музыка.

Ее отца звали Август Шаре. Несколько лет назад приехал он в Петербург из Парижа. Жена сманила – она была русская, Мария Александровна Свистунова, дочь бывшего декабриста. Чтобы уговорить ее выйти за него замуж, Август – вернее, Огюст, как называли его в Париже, – был на все готов, даже православное вероисповедание принял. Конечно, после такого дерзкого поступка жить в Париже стало нелегко. И тотчас после свадьбы *la famille*³ Шаре отправилась в дальний путь. Сначала эта *famille* была совсем маленькая: Огюст и Мари, ну а потом друг за другом родились сын и четыре дочери. Огюст Шаре (в Петербурге его начали называть Август, на манер немецкий; сперва ему это слух резало, да потом привык) втихомолку за голову хватался: *quatre filles*, четыре девицы, это же просто безумие! Каждой нужно приданое, а где его взять? Доходы от предприятия по продаже бумаги не так уж и велики. Жизнь не слишком скудная ведется, это правда, хватило дать девочкам очень приличное обра-

---

³ Семья (франц.).

зование – они знают французский совершенно, начитанны, изящны и воспитанны, обожают театры и музыку, особенно Лиличка, Элиза, Елизавета, младшая. Она и пела, и танцевала лучше других сестер. Мария Александровна втихомолку надеялась, что либо в театре, либо на танцевальном паркете встретится Лиличке добрый человек (желательно, был бы он богат и знатен!), который станет ее счастливой судьбой и не станет обращать внимание на то, что из приданого у милой, красивой умницы – только сундук с платьем да бельем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.